

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)52/53

Едошина Ирина Анатольевна

Костромской государственной университет, д-р культурологии, профессор,
профессор кафедры истории, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Владимир Соловьёв и Павел Флоренский: вариация на тему платонизма

Тема, обозначенная в заглавии данной статьи, не раз привлекала внимание исследователей, поэтому вначале предложен краткий обзор имеющихся на эту тему работ, выявлены проблемные области и указаны имена ученых, занимавшихся данным вопросом. Обозначен тот факт, что Владимир Соловьёв повлиял на творческий путь Павла Флоренского в основном благодаря своим письменным трудам, поскольку они были представителями разных поколений, а также благодаря знакомству с его близким окружением. Приведены факты биографий Владимира Соловьёва и Павла Флоренского: семья, учеба в университете и т.д. Подчеркивается влияние творчества Платона как на Владимира Соловьёва, так и на Павла Флоренского. Затрагивается тема единства «теории и жизни» у Платона и Владимира Соловьёва, подчеркивается, что последнему достичь в творчестве не удалось. Тема любви в понимании Владимира Соловьёва и Павла Флоренского раскрывается через их личные переживания и философию. В заключение делается вывод, что оба философа являются авторами-метафизиками, на которых философия Платона оказала решающее влияние.

Ключевые слова: Платон и платонизм, метафизика, В.С. Соловьёв, П.А. Флоренский, биографический параллелизм, религиозная философия, вера в Бога как область мысли и как область действия, концепты добра, истины, красоты.

Edoshina Irina Anatolyevna

Kostroma State University, Advanced PhD (Culturology), Professor, Professor of the Department of History, Russia, Kostroma, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Vladimir Soloviev and Pavel Florensky: variation on the theme of platonism

The topic identified in the title of this article drew researchers' attention not just once, so in the beginning a short overview of the works available on this topic as well as problem areas and the names of scientists involved in this issue are presented. It is highlighted that Vladimir Solovyov had influence on the creative development of Pavel Florensky mainly due to his written works, since they were representatives of different generations, as also to acquaintance with his close circle. The facts of the biographies of Vladimir Solovyov and Pavel Florensky are given: family, university studies, etc. The author emphasizes influence of Plato's work on both Vladimir Solovyov and Pavel Florensky. The topic of unity of «theory and life» by Plato and Vladimir Solovyov is explained, it is emphasized that the latter failed to achieve the unity. The theme of love in understanding of Vladimir Solovyov and Pavel Florensky is revealed through

their personal experiences and philosophy. Finally, the article states that both philosophers are metaphysical authors, on whom Plato's philosophy had a decisive influence.

Key words: *Plato and Platonism, metaphysics, V.S. Solovyov, P.A. Florensky, biographical parallelism, religious philosophy, faith in God as a field of thought and as an area of action, concepts of good, truth, beauty*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.3.026-038

Вначале несколько замечаний из истории вопроса. Тема «Владимир Соловьев и Павел Флоренский», мягко говоря, не нова, к ней обращались многие исследователи жизни и творчества обоих мыслителей. Чаще всего их труды сопоставлялись в основном в проблемном поле всеединства и софиологии (В.В. Бычков, Ю. Крочак, М.В. Максимов, Н.Н. Павлюченков, Е.Б. Рашковский, Я.В. Сарычев, О.М. Седых, С.С. Хоружий). Поначалу и тема платонизма рассматривалась в этом же контексте (Л.М. Лопатин, князь С.Н. Трубецкой, А.Ф. Лосев; В.Н. Акулинин, Р.Ф. Гараева, А.Г. Тихолаз) с постепенной актуализацией религиозного (А.И. Абрамов, Н.М. Аверин, Е.В. Ковалева О.Т. Ермишин, Н.Н. Павлюченков, В.В. Сербиненко, священник С. Шкуро) и иных аспектов (М.В. Максимов, И.А. Протопова, Ю.Б. Тихеев)¹. Но оставшееся за пределами специального внимания все же обнаружилось, и касается оно восприятия юным Флоренским платонизма В.С. Соловьева. Усвоение платонизма ляжет в основу их идейной близости и постепенного расхождения, что может быть основанием для типологии религиозного философствования².

Владимиру Соловьеву (1853–1900) и Павлу Флоренскому (1882–1937) не довелось встретиться в жизни. Когда Владимир Соловьев был уже известным мыслителем, Павел Флоренский еще учился в гимназии. Однако труды Вл. Соловьева ему были знакомы (благодаря, в первую очередь, Энциклопедическому словарю Брокгауза-Ефрона, где Вл. Соловьев не только отвечал за статьи по философской тематике, но и являлся одним из авторов) и явно вызывали сочувствие. Он отозвался на смерть философа стихотворением, в финальной строке которого утверждал: «и все Христом ты поверял»³. Сам Павел Флоренский в это время еще находился на пути к Богу, и Владимир Соловьев был значимой вехой этого пути. В студенческие годы Флоренский приобретет «Творения Платона» в

¹ Сразу обратим внимание на относительность представленной тематической дифференциации, поскольку в своих исследованиях зачастую авторы касаются не только той проблематики, к которой они отнесены. Имена в данном случае выступают как определенные маркеры обозначенных тем.

² В книге «Русская философия. Опыт типологической характеристики» (2000) П.А. Сапронов, будучи убежденным, что на русской почве *Платонов* не найти, предложил отнести философские идеи В.С. Соловьева к публицистике, а П.А. Флоренского – к мифологии. Резкой критике типологию П.А. Сапронова подверг И.В. Гидиринский в книге «Введение в историю русской философии: типологический аспект» (2003).

³ См.: Флоренский П.А. На смерть В. Соловьева // Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского: в 6 кн. Кн. 2. Сергиев Посад, 2015. С. 10 [1].

переводе В.С. Соловьёва (1899 г.) и сохранит этот том в своей библиотеке. Давний, еще по учебе в гимназии, друг Павла Флоренского А.В. Ельчанинов в одном из писем к нему за 1901 г. нарисует ударающих от человечества гениев: Платона, Вл. Соловьёва и нового гения, еще неизвестного (возможно, с намеком на Флоренского). В этом же году Флоренский посвятит Ельчанинову свое стихотворение «В лесу», которое содержит парафраз из стихотворения Вл. Соловьёва «Милый друг, иль ты не видишь, что все виденное нами...» (1892 г.). Позднее, но в том же году, он полностью воспроизведет это стихотворение Вл. Соловьёва в письме к матери, О.П. Флоренской, признаваясь, что он (вслед за автором) слышит *торжествующие созвучья* нездешнего мира.

В Императорском Московском университете он специально будет посещать занятия философов, входивших в близкое окружение Владимира Соловьёва, – Л.М. Лопатина, кн. С.Н. Трубецкого. Для семинара князя Трубецкого он напишет доклады о «Меноне», рассматривая в них проблемы геометрии, времени написания диалога, (проблемы геометрии, времени написания диалога) и «Государстве», уделяя специальное внимание идее блага (идея блага) Платона. Содержанием одного из занятий студент Павел Флоренский делится с сестрой: «...Влад. Соловьёв, недавно скончавшийся, учитель наших обоих профессоров философии, объявил “Протагор” подложным. У нас возгорелся по этому поводу спор ... не об имени автора, а о его мирозерцании» [2, с. 43, 44]. Этот разговор о мирозерцании Платона в связи с Вл. Соловьёвым окажется для Павла Флоренского знаменательным. Неслучайно в конце этого же письма он советует сестре прочитать статьи Вл. Соловьёва в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона. Среди написанных им для Словаря статей есть одна, для заявленной темы чрезвычайно важная, – «Платон» (1898 г.). Этот текст мистическим образом свяжет Вл. Соловьёва и Павла Флоренского.

Начало их биографий поражает своей схожестью. Будущие христианские философы-платоники родились в семьях, к религии абсолютно равнодушных, хотя корнями имели священнослужителей со стороны отцов. По материнской линии у Соловьёва были украинские дворянские корни, а еще – Григорий Сковорода⁴, а у Флоренского – мать армянских княжеских кровей, в которой «паатовская (желтоватая кровь. – *И.Е.*) – более созерцательная. По Платону, оливковый цвет кожи предрекает философа»⁵. Иными словами, стать философами им словно заповедано их родовыми корнями. Оба получили гимназическое образование: Соловьёв – в Москве, Флоренский – в Тифлисе. Вслед за Флоренским Соловьёв мог бы сказать, что отец оказал огромное влияние на

⁴ В философии их имена в 1910 г. соединит В.Ф. Эрн: «Принципиальным онтологизмом проникнуто как изумительно цельное мировоззрение “русского Сократа” Г.С. Сковороды, так и всеобъемлющее, универсальное мировоззрение “русского Платона” – В.С. Соловьёва» (см.: Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф.: pro et contra / сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 227 [3]).

⁵ См.: Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество свящ. Павла Флоренского: в 6 кн.. Кн. 1. М.: Городец, 2012. С. 165 [4].

него, но оба не пошли по стопам своих отцов: Владимир Соловьев не стал историком, а Павел Флоренский – инженером. Воздействие отцов было глубже прямого профессионального следования, потому Владимир Соловьев навсегда усвоил западничество, свойственное С.М. Соловьеву, а Павел Флоренский – интерес к изучению растительного мира, выработавшийся в детские годы, когда по указанию отца, А.И. Флоренского, собирал гербарии.

И Вл. Соловьев и П. Флоренский обучались на физико-математическом факультете Императорского Московского университета: Соловьев – на естественном отделении, Флоренский – на отделении чистой математики. Оба в годы обучения в университете поняли ограниченность сугубо рассудочного подхода к пониманию бытия. Для сравнения – фрагменты двух писем. Из письма 19-летнего Владимира Соловьёва: «Все, что может дать отвлеченный ум, изведено и оказалось негодным, и сам разум доказал свою несостоятельность. Но этот мрак есть начало света; потому что когда человек принуждает сказать: я ничто – он этим самым говорит: Бог есть всё» [5, с. 75]. Из письма 18-летнего Павла Флоренского к отцу: «Я хочу идти *исключительно* от факта и притом явление более реальное поставить не позади, а впереди явления менее реального» ... «когда целое не разлагается, не расплзается в клочки, а сохраняет свою идеальную связь, которая выступает еще раздельнее» [6, с. 26]. Два приведенных фрагмента свидетельствуют, что к девятнадцати годам Владимир Соловьев уже пришел к Богу, а Павел Флоренский к своим восемнадцати годам пока еще только разделял реальное и менее реальное, пребывая в поисках их связи. И здесь самое время вернуться к статье В.С. Соловьева о Платоне, написанной им для уже названного словаря⁶. Судя по опубликованным ранним письмам Флоренского, его знакомство с трудами Вл. Соловьева произошло именно благодаря статьям в Энциклопедическом словаре, в частности статье о жизни и учении Платона. Эта статья написана уже зрелым философом, со сложившимися взглядами, и в этих взглядах Платон занимал весьма значимое место⁷.

⁶ Представляется важным отметить, что эта статья В.С. Соловьева после ее публикации в Словаре Брокгауза-Ефрона была впервые воспроизведена в 10 томе (1914 г.) собрания сочинений В.С. Соловьева, затем в брюссельском издании его сочинений (т. 10, 1966) (благодарю за эту подсказку М.В. Максимова), далее в книге «Философский словарь Владимира Соловьева» (Ростов-н/Д., 1997), а потом (вместе со статьей о Плотине) в книге «Платон: pro et contra» (СПб., 2001). И более нигде. Как правило, нет на нее ссылок в исследовательской литературе, кроме упоминаний, что таковая была В.С. Соловьевым написана. Исключение составляет книга А.Г. Тихолаза, где эта статья пересказывается и автором отмечается ее итоговый характер, а заодно подчеркивается, что «Жизненная драма Платона», написанная В.С. Соловьевым в начале 1898 г., станет (по существу) ее завершением (см.: Тихолаз А.Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX–начале XX вв. Киев: ВиРа «Инсайт», 2003. С. 189–191 [7]).

⁷ О возникновении у В.С. Соловьева интереса к Платону, специфике этого интереса см. в обобщающей и аналитической статье: Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьева (конец 70– начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьевские исследования. 2015. № 2 (46). С. 51–65 [8].

Статья о Платоне начинается с вопроса, есть ли в написанных в разное время диалогах «различие в методе рассуждения»⁸. В поиске ответа на этот вопрос Вл. Соловьев обращается к уже имеющимся исследованиям, посвященным философии Платона. В результате обнаруживает, что между диалогами Платона выявлена внутренняя связь, которая обусловлена не отвлеченными началами, а реальными событиями, в частности идеями и судьбой Сократа, и, наконец, самое важное – «Платон не был отвлеченным теоретиком, и его произведения вызывались жизненными интересами»⁹, что позволяет полагать некое единство теории и жизни.

Но единство это не идеально, о чем, по мысли Вл. Соловьева, свидетельствуют представления Платона о государстве¹⁰, что найдет более полное отражение в «Жизненной драме Платона» (1898). Здесь важно не отношение Вл. Соловьева к политическим воззрениям Платона, а самый факт тесной увязки сочинения и жизни, пусть и в негативном варианте. Представляется, что именно этим обусловлено столь пристальное внимание к Сократу и у Платона. Ведь судьба Сократа являет самое существо искомой увязки. Не написавший в своей жизни ни строчки Сократ был приговорен к смерти именно за высказанные вслух мысли. Так нематериальное – идея – оказалось поводом к трагическому воплощению в материальном. Ранее пример гибельности подобного рода связи Вл. Соловьев обнаружил в культуре европейского Средневековья, где христианство и мирозерцание, по его мысли, противостоят друг другу: «Христианство есть религия воплощения Божия и воскресения плоти, а ее превратили в какой-то восточный дуализм, отрицающий материальную природу как злое начало» [10, с. 195].

В силу значимости, Вл. Соловьев наполняет саму идею рядом смыслов: идея как «чистая мысль», идея как первообраз предметного мира и, наконец, «идея идей есть добро, или благо, или благость – безусловная норма всякого достоинства вообще, отождествляемая Платоном с Божеством в абсолютном смысле; из нее в правильном порядке проистекают все остальные идеи»¹¹. Приведенная дифференциация не свидетельствует ли о том, что Вл. Соловьеву в собственной жизни и в собственных сочинениях не удалось достичь искомого единства. Потому остался недописанным труд «Философские начала цельного знания», а «Оправдание добра» (1897 г.) вызвало «в русской прессе величайшую ругань и величайшие похвалы»¹². В том же году в воскресном письме «О

⁸ См.: Соловьев В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 369 [9].

⁹ См.: Соловьев В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьева. С. 372.

¹⁰ Несколько ранее Вл. Соловьев предложил иной вариант государственного устройства в статье «Всемирная монархия» (1892 г.) все для того же Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона, где писал, что именно христианство способно объединить людей в духе и истине, потому идея всемирной политической власти, пусть в иных формах, может быть реализована в будущем.

¹¹ См.: Соловьев В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьева. С. 387.

¹² См.: . Письмо В.С. Соловьева к Евг. Тавернье от 14 мая-19 июня 1897 г. // Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в IV т. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Пг.: Время, 1923. С. 223 [11].

соблазнах» Вл. Соловьев напишет, что «согласие сердца и ума, веры и разума лучше ... их противоречия и вражды», что именно такое согласие есть истинная цель умственного труда не только того, кто этим трудом занимается. Философ должен открыть эту истину для других людей¹³. Постулат должностояния указывает на путь, но не на достижение желаемой цели.

Если Григория Сковороду *мир ловил, но не поймал*, то сам Вл. Соловьев (в отличие от своего далекого предка) в сочинениях своих, в мыслях своих искал мировой гармонии во всеединстве, а ему открылась мировая бездна конца мира. Однако это открытие никак не перечеркивало его веры в любовь, принесенную Христом на землю:

Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви [13, с. 25].

А теперь попробуем предложенные сведения о В.С. Соловьеве соотнести с жизнью и творчеством Павла Флоренского, заметим, прежде всего – молодого Флоренского, который, кажется, буквально весь вышел из «Платона» Вл. Соловьева и собственно Платона. Вот он признается: «...начавшееся в прошлом году увлечение Платоном у меня все усиливается» [14, с. 34]. Через Платона в жизнь и творчество Павла Флоренского войдет греческая тематика (у Соловьева древность – это прежде всего Египет, *очаг всякой мудрости*, где ему между 25 и 27 ноября 1875 г. явилось видение Софии Премудрости Божией). Указанная разница не разделяет, а объединяет их в понимании древности как значимой части мистического аспекта бытия. В 1908 г. Павел Флоренский в лекции о временных и пространственных границах греческой философии заметит: «Философия родилась из моря. ...основная идея философии вышла из религиозной концепции **моря**. Море должно было оплодотворить сушу, чтобы явилась философия. Биологи утверждают, что и вообще вся жизнь вышла из моря» [15, с. 10]. Миф, философия и биология смыкаются в религиозной концепции моря, из которого, подобно пеннорожденной богине красоты, вышел мир во всех его ипостасях. С другой стороны, непрямая отсылка к Афродите явно уродняет Флоренского с Соловьевым, который именно в красоте видел «предмет *положительной* оценки», ибо красота всегда признается достойной или одобряется¹⁴. Вслед за Вл. Соловьевым первокурсник Флоренский исповедует, по его признанию, идеалы *Добра, Истины, Красоты*.

Павел Флоренский, как и Вл. Соловьев, пришел к Богу на старших курсах университета с той разницей, что немаловажную роль в этом процессе сыг-

¹³ См.: Письмо VI. О соблазнах (от 9 марта 1897 г.) // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2-е. Т. 10 / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. СПб.: Просвещение, 1914. С. 20 [12].

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Красота // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 238 [16].

рала именно математика, в которой Вл. Соловьев видел только *очевидность аксиом*¹⁵, а П. Флоренский – *ключ к мировоззрению*¹⁶. Позднее он придет к мысли, что математика противопоставила непрерывности изменений идею их прерывности, то есть эволюционизму – развитие («Пифагоровы числа», 1922), но саму идею прерывности он обрел во время обучения в университете, слушая лекции *хорошего профессора* Н.В. Бугаева. Уже в университете Флоренский открывает, что именно математика должна быть основой понимания мира: «Формула не может и не должна оставаться формулой только. Она есть формула чего-нибудь, и чем богаче те ассоциации, которые у нас соединяются с формулой, чем многостороннее ее реальное содержание, ... тем стройнее объединяются ассоциированные конкретные явления в жизненный организм идей – мировоззрение» [15, с. 97]. В понимании жизненной природы идей Флоренский явно близок Соловьеву в его «Платоне», хотя, конечно, математический «зазор» сохраняется.

Вслед за Вл. Соловьевым он приветствует движение среди ученых в сторону религии и сам идет в том же направлении. Прочитав впервые Библию на третьем курсе университета, Павел Флоренский пережил кризис, приведший его к вере в Бога. В конце декабря 1902 г. он пишет статью «О суеверии», где выделяет три типа миропонимания: религиозный, научный и суеверный (окультурный). И если первые два могут составлять единое целое, то суеверие – это «всегда какая-то грязнотца», для убедительности своего наблюдения Павел Флоренский цитирует «Три разговора» (1900 г.) Вл. Соловьева относительно пустоты, скрывающейся за блеском поддельного добра антихриста. Но уже в «Платоне» Вл. Соловьев утверждал, что «в неистинном натурально происходит недолжное»¹⁷. Отвлекаясь от прямого сопоставления, напомним один знаменательный эпизод из жизни свящ. Сергия Сидорова, который произошел с ним в молодые годы. По предложению С.Н. Дурьлина, они натерлись в день «шабаша великого» «ведьмовским зельем» от Кизеветтера, чтобы совершить полет, сидя в корытах¹⁸. В результате натирания друзья теряют сознание, а когда приходят в себя, то обнаруживают, что на них упал 10-й том из собрания сочинений В.С. Соловьева, тот самый том с его воскресными письмами, где философ указывает на человеческие недостатки и их следствия. Такая вот мистика соловьевского слова.

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Письмо XII. О добросовестном неверии // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2-е. Т. 10 / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. СПб.: Просвещение, 1914. С. 38 [17].

¹⁶ См.: Письмо П.А. Флоренского к О.П. Флоренской от 5 октября 1900 г. // Обретая путь. Павел Флоренский в университетские годы: в 2 т. / авт.-сост. П.В. Флоренский; подгот. текстов, коммент. Л.В. Милосердова, А.И. Олексенко, А.А. Санчес, В.П. Флоренский, В.А. Шапошников, Т.А. Шутова. М.: Прогресс-Традиция, 2011. Т. 1. С. 175 [18].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьева. С. 376.

¹⁸ См.: Записки священника Сергия Сидорова, с приложением жизнеописания, составленного его дочерью, В.С. Бобринской. 2-е изд., исп. и доп. М.: ПСТГУ, 2019. С. 281–282 [19].

В статье «Платон» Вл. Соловьев обнаруживает близость политических идей греческого философа европейскому средневековью, отмечая естественное отсутствие «христианско-германского начала свободной индивидуальности, которая в его утопии, как и в античной действительности, поглощалась интересом общего»¹⁹. Позднее, будучи уже священником, отец Павел Флоренский придаст средневековью мировоззренческие вневременные очертания – идеальный образ устройства мира на основе веры в Бога²⁰. Он будет все культуры делить на два типа: средневековый и «ренессанский». В первом случае первенствующую роль играет Бог, во втором – человек, что не исключает их общего (негативного) с Вл. Соловьевым понимания позитивизма как финальной точки в развитии антропоцентризма.

В статье «Платон» Вл. Соловьев подробно останавливается на критике предложенного греческим философом устройства общественных отношений. Поразительным образом отец Павел также станет автором работы под названием «Предполагаемое государственное устройство в будущем», написанной им в тюрьме в марте 1933 г. Не предполагая подробного анализа этого текста, обратим внимание только на то, что (словно вслед за Вл. Соловьевым) он рисует образ монархии, но (в отличие от Вл. Соловьева) его монархия сакральна и в существе своем базируется на средневековой системе ценностей, хотя по сугубо внешним характеристикам модель, предложенная в работе «Предполагаемое государственное устройство в будущем», вполне соответствует стандартам советского авторитарного режима²¹. Отец Павел блестяще владел словом, умело используя его семантическую пульсацию. В данном случае важен сам факт написания такой работы, что вновь обращает и к статье Вл. Соловьева о Платоне, и к самому Платону.

Наконец, есть еще одна важная тема, которая явно объединяет двух мыслителей, – это тема любви. Вл. Соловьев рассматривает философию Платона «в ее жизненных мотивах» и приходит уже к собственному выводу, что главный (всё определяющий) жизненный фактор пребывает внутри самого Платона и находит свое полное выражение в «Федре» и «Пире», «заполняющих учением о любви кажущуюся пропасть между отрицательным и положительным идеализмом Платона», что позволяет «представить философию Платона и совокупность его главных творений в их жизненном единстве»²². Вл. Соловьев подчеркивает, что учение Платона о любви выросло из его личного живого опыта, добавляя: «Платонов Эрос (это греческое слово принято сохранять во избежание смешения с *φιλία* Эмпедокла и с христианской *ἀγάπη*) есть переход, посред-

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьева. С. 389.

²⁰ См. об этом подробнее: Едошина И.А. Средневековая культура в восприятии В.С. Соловьева и свящ. П.А. Флоренского // Соловьевские исследования. 2009. Вып. 3 (23). С. 95-106 [20].

²¹ См. об этом подробнее: Флоренский П., свящ. Предполагаемое государственное устройство в будущем: сб. архивных материалов и статей / сост. игум. Андроник (Трубачев). М.: Городец, 2009 [21].

²² См.: Соловьев В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьева. С. 374.

ство и связь между двумя мирами; он соединяет в себе идеальную природу с чувственной», Эрос есть «могучий демон, связывающий небо и землю», правда, с одним «но»: Эрос остался для Платона «“не рождающим в красоте”...», а только созерцающим красоту истинно сущего и желающим, но бессильным его осуществить»²³. Тем не менее, замечает Вл. Соловьёв, опыт не прошел для Платона даром, найдя воплощение в двух знаменитых диалогах «Федр» и «Пир», чья подлинная жизнь только начинается. Полагаю эти размышления Вл. Соловьёва оказались значимыми для юного Флоренского, если не сказать определяющими. С темы любви, соединяющей идеальную природу с чувственной, начнется для Павла Флоренского трудная дорога по устройению собственной жизни в пределах христианской философии. Причем устройению в самом прямом смысле слова, и в этом целеполагании он последует за Вл. Соловьёвым.

Речь идет об отношениях («звездной дружбе») между Павлом Флоренским и Сергеем Троицким, его сотоварищем по учебе в Московской духовной академии. Более открыто и более близко к соловьевскому пониманию любви Павел Флоренский выразит свои чувства после разрыва с Сергеем Троицким в «Звездной сюите» (1906 г.), которая открывается стихотворением «На мотив из Платона»:

Душа себя найти желает.
Томится по себе самой.
Тоскливо по себе вздыхает
и плачет в горести немой.

Дрожащий в тусклых очертаньях
перед ней витает мир идей,
и Эрос, – мощный чародей – ,
Душой во сне или в мечтаньях

в какой-то миг овладевает.
Душа томится и рыдает.

<...>

Но сон проходит, и тоскливо
она взирает вкруг, стена.
И шепчет страстно-сиротливо
«найди меня, найди меня»... [22, с. 105]

В этих пронзительных по неподдельной искренности чувств стихах открываются смыслы любви-филии как союза двух душ, ставших различной

²³ См.: Соловьёв В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьёва. С. 380.

целостностью, подобной иконному образу правоверных Петра и Павла, что стоят, прижавшись друг к другу щеками. Убери одного – получишь пустоту, ту самую пустоту, которую остро ощутил Павел Флоренский, утратив друга. Но в это сложное время рядом с ним остаются и Платон, и Вл. Соловьев – своеобразные столпы на его пути к священству. Однако именно здесь их пути разойдутся. Свои отношения с Троицким Флоренский опишет позднее как *реальное* воплощение любви-эроса, но отепленное филией – любовью внутреннего признания, личного прозрения и приязни. Такого рода любовь, по его мысли, не исключает ни страстности (ἔρως), ни рассудочности (ἀγάλη), но она есть любовь-дружба, которую древние выразили в слове φιλοφροσύνη («благосклонность»). Этому слову более всего соответствует глагол «любить» – φιλεῖν с производными. Обо всех приведенных филологических нюансах Павел Флоренский напишет, уже будучи священником, в книге «Столп и утверждение Истины» (1913 г.), состоящей из писем к не названному напрямую другу – Сергею Троицкому²⁴.

Павел Флоренский доведет идею соединения мысли с жизнью до ее воплощения в собственной жизни. Он будет не просто думать и писать на религиозные темы, но станет священником, чтобы словом и делом воздействовать на мир. Он женится без всякой любви, чтобы обрести ее в браке. Он станет многодетным отцом, оставив детям своим генеалогические сведения об их предках. Он будет заниматься научными изысканиями, чтобы доказать Божий промысел во всех явлениях бытия.

Таким образом, во Владимире Соловьеве и Павле Флоренском мы видим два варианта философов-платоников. Оба являются метафизиками, у обоих метафизика восходит к Платону. Их объединяет несомненное глубокое религиозное чувство, но у Владимира Соловьева чувство это не носит конфессионального характера, отсюда тяготение к вселенской церкви, а в основе метафизики – Абсолют. Иное – Павел Флоренский, принявший сан в русской православной церкви, а потому вольно или невольно с этой церковью отождествляющийся. (Хотя, заметим, РПЦ относилась и относится к нему и его трудам с определенной долей скептицизма). Отец Павел является творцом «конкретной метафизики», в основе которой – Бог.

Почти библейская безытнность Владимира Соловьева, его пророческий внешний облик, его нескрываемая страстность в привязанностях и неприятиях придавали его философским воззрениям особую манкость, вполне вписывавшуюся в художественные искания, свойственные русской культуре «конца века». Его любили и ненавидели, ему подражали, им восхищались. Он умер на взлете своего творчества, а его известность давно перешагнула пределы России, навсегда вписав его в историю мировой философии.

²⁴ См.: Флоренский П.А., свящ. Столп и утверждение Истины: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. С.С. Хоружий; историографический очерк игум. Андроник (Трубачев). М.: Правда, 1990. С. 400 [23].

Отец Павел Флоренский, тихий и незаметный внешне, двигавшийся как-то бочком, женатый многодетный священник. Наружно он, скорее, был типичен, нежели оригинален. Потому его фото с корзиной грибов вполне вписывается в эти характеристики. Однако в слове, в мыслях, в своих познаниях он был практически универсален: математика, биология, физика, философия, лингвистика, литература, история церковная и гражданская, искусство живописное и музыкальное, светское и религиозное – всё было подвластно его мысли, изысканной по форме изложения и оригинальной в содержании. Как и Вл. Соловьёв, свящ. Павел Флоренский принадлежит миру, а не только России.

Свящ. Павел Флоренский являл собой тип *мыслителя-деятеля* в самом прямом смысле этого слова. Он всегда писал и делал только то, что могло быть прочитано, услышано, усвоено. Владимир Соловьёв был *мыслителем, убежденным в реальности связи философии и жизни*. Как мыслитель-деятель Павел Флоренский формировался в рамках усвоения платонизма Владимира Соловьёва. Их навсегда сроднили глубокая, искренняя вера в Бога, свойственный обоим мистический опыт и Платон.

Список литературы

1. Флоренский П.А. На смерть В. Соловьёва // Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество свящ. Павла Флоренского: в 6 кн. Кн. 2. Сергиев Посад, 2015. С. 10.
2. Письмо П.А. Флоренского сестре Юлии от 5 ноября 1900 г. // Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество свящ. Павла Флоренского: в 6 кн. Кн. 2. Сергиев Посад, 2015. С. 43–44.
3. Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф.: pro et contra / сост., вступ. ст. и коммент. А.А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 211–247.
4. Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество свящ. Павла Флоренского: в 6 кн. Кн. 1. М.: Городец, 2012. 672 с.
5. Письмо В.С. Соловьёва к Е.В. Романовой от 31 декабря 1872 г. // Письма Владимира Сергеевича Соловьёва: в IV т. Т. III / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип-я «Общественная Польза», 1911. С. 7–77.
6. Письмо П.А. Флоренского к А.И. Флоренскому от 27 сентября 1900 г. // Андроник (Трубачев), игумен. Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество свящ. Павла Флоренского: в 6 кн. Кн. 2. М., 2015. С. 24–27.
7. Тихолаз А.Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX–начале XX вв. Киев: ВиРа «Инсайт», 2003. 368 с.
8. Максимов М.В., Максимова Л.М. Метафизические искания В.С. Соловьёва (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.) // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 5–65.
9. Соловьёв В.С. Платон // Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 360–391.
10. Соловьёв В.С. О причинах упадка средневекового мирозерцания (1892) // Соловьёв В.С. Сочинения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыга. М.: Раритет, 1994. С. 186–197.
11. Письмо В.С. Соловьёва к Евг. Тавернье от 14 мая–19 июня 1897 г. // Письма Владимира Сергеевича Соловьёва: в IV т. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Пг.: Время, 1923. С. 221–225.
12. Письмо VI. О соблазнах (от 9 марта 1897 г.) // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Изд. 2-е / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. СПб.: Просвещение, 1914. С. 18–21.
13. Соловьёв В.С. «Бедный друг, истомил тебя путь...» // Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / сост., ст., коммент. Н.В. Котрелева. М.: Книга, 1990. С. 25.

14. Письмо П.А. Флоренского к матери от 4 октября 1900 г. // Андроник (Трубачев), игумен. *Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество свящ. Павла Флоренского*: в 6 кн. Кн. 2. М., 2015. С. 32–34.
15. Флоренский П.А. Из истории античной философии / под общ. ред. игумена Андроника (Трубачева). М.: Академический проект, 2015. 524 с.
16. Соловьев В.С. Красота // *Философский словарь Владимира Соловьева*. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 238.
17. Соловьев В.С. Письмо XII. О добросовестном неверии // Соловьев В.С. *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 10. Изд. 2-е / под ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. СПб.: Просвещение, 1914. С. 37–40.
18. Письмо П.А. Флоренского к О.П. Флоренской от 5 октября 1900 г. // *Обретая путь. Павел Флоренский в университетские годы*: в 2 т. Т. 1. / авт.-сост. П.В. Флоренский; подгот. текстов, коммент. Л.В. Милосердова, А.И. Олексенко, А.А. Санчес, В.П. Флоренский, В.А. Шапошников, Т.А. Шутова. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 174–177.
19. Записки священника Сергия Сидорова, с приложением жизнеописания, составленного его дочерью, В.С. Бобринской. 2-е изд., исп. и доп. М.: ПСТГУ, 2019. 494 с.
20. Едошина И.А. Средневековая культура в восприятии В.С. Соловьева и свящ. П.А. Флоренского // *Соловьёвские исследования*. 2009. Вып. 3(23). С. 95–106.
21. Флоренский П., свящ. Предполагаемое государственное устройство в будущем: сб. архивных материалов и статей / сост. игум. Андроник (Трубачев). М.: Городец, 2009. 208 с.
22. Флоренский П.А. Звездная дружба. Сюита // *Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка* / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 104–108.
23. Флоренский П.А., свящ. Столп и утверждение Истины: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. С.С. Хоружий; историографический очерк игум. Андроник (Трубачев). М.: Правда, 1990. 492 с.

References

1. Florenskiy, P.A. Na smert' V. Solov'eva [On the death of V. Solovyov], in Andronik (Trubachev), igumen. *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashch. Pavla Florenskogo*: v 6 kn., kn. 2 [The path to God. Personality, life and work by priest. Pavel Florenskij: in 6 books, book 2]. Sergiev Posad, 2015, p. 10.
2. Pis'mo P.A. Florenskogo k sestre Yulii ot 5 noyabrya 1900 g. [Letter to P.A. Florenskij's sister Julia. November 5, 1900], in Andronik (Trubachev), igumen. *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashch. Pavla Florenskogo*: v 6 kn., kn. 2 [The path to God. Personality, life and work by priest. Pavel Florensky: in 6 books, book 2]. Sergiev Posad, 2015, pp. 43–44.
3. Ern, V.F. Nechto o Logose, russkoy filosofii i nauchnosti [Something about Logos, Russian philosophy and scientific nature], in *Ern V.F.: pro et contra*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2006, pp. 211–247.
4. Andronik (Trubachev), igumen. *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashch. Pavla Florenskogo*: v 6 kn., kn. 1 [The path to God. Personality, life and work by priest. Pavel Florenskij: in 6 books, book 1]. Moscow: Gorodets, 2012. 672 p.
5. Pis'mo V.S. Solov'eva k E.V. Romanovoy ot 31 dekabrya 1872 g. [Letter by V.S. Solovyov to E.V. Romanova. December 31, 1872], in *Pis'ma Vladimira Sergeevichicha Solov'eva v IV t., t. III* [Letters by Vladimir Sergeevich Solovyov in IV vol., vol. III]. Saint-Petersburg: Tiografiya «Obshchestvennaya Pol'za», 1911, pp. 73–77.
6. Pis'mo P.A. Florenskogo k A.I. Florenskomu ot 27 sentyabrya 1900 g. [Letter by P.A. Florenskij to A.I. Florensky. September 27, 1900], in Andronik (Trubachev), igumen. *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashch. Pavla Florenskogo*: v 6 kn., kn. 2 [The path to God. Personality, life and work by priest. Pavel Florensky: in 6 books, book 2]. Moscow, 2015, pp. 24–27.
7. Tikholaz, A.G. *Platon i platonizm v russkoy religioznoy filosofii vtoroy poloviny XIX–nachale XX vv.* [Plato and Platonism in Russian Religious Philosophy of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Kiev: ViRa «Insayt», 2003. 368 p.

8. Maksimov, M.V., Maksimova, L.M. Metafizicheskie iskaniya V.S. Solov'eva (konets 70-kh – nachalo 80-kh gg. XIX v.) [Metaphysical searches of V.S. Solovyov (late 70s – early 80s of the XIX century)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 2(46), pp. 51–65.

9. Solov'ev, V.S. Platon [Plato], in *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'eva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997, pp. 360–391.

10. Solov'ev, V.S. O prichinakh upadka srednevekovogo mirosozertsaniya (1892) [On the causes of the decline of the medieval world outlook (1892)], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Raritet, 1994, pp. 186–197.

11. Pis'mo V.S. Solov'eva k Evg. Tavem'e ot 14 maya–19 iyunya 1897 g. [Letter by V.S. Solovyov to Evg. Tavernier. May 14–June 19, 1897], in *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva v IV t., t. IV* [Letters by Vladimir Sergeevich Solovyov in IV vol., vol. IV]. Petrograd: Vremya, 1923, pp. 221–225.

12. Pis'mo VI. O soblaznakh (ot 9 marta 1897 g.) [Letter VI. Of the temptations (March 9, 1897)], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [Collected works in 10 vol., vol. 10]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1914, pp. 18–21.

13. Solov'ev, V.S. «Bednyy drug, istomil tebya put'...» [«Poor friend, the path has worn you out ...»], in Solov'ev, V.S. *Stikhovorennya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary criticism]. Moscow: Kniga, 1990, p. 25.

14. Pis'mo P.A. Florenskogo k materi ot 4 oktyabrya 1900 g. [Letter by P.A. Florensky to his mother. October 4, 1900], in Andronik (Trubachev), igumen. *Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashch. Pavla Florenskogo: v 6 kn., kn. 2* [The path to God. Personality, life and work of priest. Pavel Florenskij: in 6 books, book 2]. Moscow, 2015, pp. 32–34.

15. Florenskiy, P.A. *Iz istorii antichnoy filosofii* [From the History of Ancient philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015. 524 p.

16. Solov'ev, V.S. Krasota [Beauty], in *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'eva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997, p. 238.

17. Solov'ev, V.S. Pis'mo XII. O dobrosovestnom neverii [Letter XII. About conscientious disbelief], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [Collected works in 10 vol., vol. 10]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1914, pp. 37–40.

18. Pis'mo P.A. Florenskogo k O.P. Florenskoy ot 5 oktyabrya 1900 g. [Letter by P.A. Florensky to O.P. Florenskaya. October 5, 1900], in *Obretaya put'. Pavel Florenskiy v universitetskie gody: v 2 t., t. 1* [Finding the way. Pavel Florenskij in his university years: in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2011, pp. 174–177.

19. *Zapiski svyashchennika Sergiya Sidorova, s prilozheniem zhizneopisaniya, sostavlenno ego docher'yu, V.S. Bobrinskoy* [Notes by the priest Sergiy Sidorov, with the attachment of a biography compiled by his daughter, V.S. Bobrinskaya]. Moscow: PSTGU, 2019. 494 p.

20. Edoshina, I.A. Srednevekovaya kul'tura v vospriyatii V.S. Solov'eva i svyashch. P.A. Florenskogo [Medieval culture as perceived by V.S. Solovyov and priest P.A. Florenskij], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2009, issue 3(23), pp. 95–106.

21. Florenskiy, P., svyashch. *Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustroystvo v budushchem: sbornik arkhivnykh materialov i statey* [Prospective state structure in the future: Collection of archival materials and articles]. Moscow: Gorodets, 2009. 208 p.

22. Florenskiy, P.A. Zvezdnaya družba. Syuita [Star friendship. Suite], in *Pavel Florenskiy i simvolisty: Opyty literaturnye. Stat'i. Perepiska* [Pavel Florenskij and the Symbolists: Literary Experiments. Articles. Correspondence]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, pp. 104–108.

23. Florenskiy, P.A., svyashch. *Stolp i utverzhenie Istiny: v 2 t., t. 1* [The Pillar and Statement of Truth: in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1990. 492 p.